

ся ко многим здесь, не дав конкретики, но осенив надеждой. И, возможно, указав путь.

Так они и идут, русский дух и украинская реальность — не пересекающимися прямыми, двойной сплошной на разбитом шоссе — в неопределённость.

Гнилые головы, дохлые рыбы

О бездарности политических элит Украины

01.04.2015

Какая прелесть, однако! В Украине создано оппозиционное правительство. Тут вспоминается нетленное: «На манеже — всё те же». Осколки «Партии регионов», как жидкий терминатор из второй части фильма, подтянулись друг к другу, образовав новое единое целое.

Его ещё называют «теневым», сие правительство. И это правильно, и это логично. Потому что мафия всегда выходит из сумрака, дабы творить своё чёрное, как написал бы уставший «жёлтогазетчик», дело. Особенно если в новом старом правительстве — тени себя прежних.

Это они устроили в стране карнавал «отжатия» и коррупции, продолжив «славные» начинания предшественников. Это они предстали символами глупости и абсурда, над которыми плакали и смеялись. Это они отдали страну на растерзание. Это они предали своих избирателей. Это они швыряли друг в друга комья грязи и расчехляли фекальные пулемёты, дабы после бегства Януковича деклассировать своих же соратников.

Их место — в монастыре или за решёткой. Но они вновь лезут в правительство. Отсиделись в своих инкрустированных брильянтами подвалах и выбрались, чтобы дорвать своё.

Некоторые из их коллег мертвы. Самоубийства — так обставили дело. Люди с честью в былые времена поступали аналогично. По кодексу. Хотя сомневаюсь, что украинские политические деятели убили себя сами — наверняка им помогли, но, так или иначе, в этом есть порыв ветра архаики.

Большинство же осталось. И сбилось в стаю. «Теневую». Этакие Назгулы на службе у Саурона. Им выступает Сергей Лёвочкин. Оппозиционное правительство — его проект, созданный прежде всего для психологического эффекта. С приветом не украинцам даже, а России и Европе.

Что могут дать Украине такие персонажи, как Михаил Добкин или Наталья Королевская? Одни их фамилии у большинства украинцев вызывают смешанное чувство ненависти и стыда. Но звать к здравому смыслу, к чести и уважению «теней» — то же, что разговоры Кука с туземцами о странности их гастрономических пристрастий.

Безусловно, в «теновом» правительстве есть и, скажем так, приличные люди. Да, воры, да, коррупционеры, но при этом — профессионалы. И я знаю, как пример, людей, «регионалов», которые в трудные времена не остановили финансирование опекаемых ими социальных учреждений.

Но как реализовать на практике их, допустим, здравые антикризисные модели? Когда инициативы потонут в болоте дел добкиных, а если и спасутся, пробравшись по кочкам, то поймут ли их украинцы?

Собственно, главное ощущение от заседания «теневого» правительства — ребята так ничего и не поняли. Они всё те же. С теми же словами и манифестами. Сидят, вещают со скучными, кислыми лицами. И цифры их, выкладки, формулы, законодательные инициативы звучат как бесконечное «бу-бу-бу».

Они и раньше, в более сладкие времена, смотрелись не слишком-то убедительно. Выходил к публике условный Азаров, сыпал данными и, как умный человек, излагал, по сути, грамотные вещи, но потом выскакивал условный Ляшко и принимался

голосить: «Воры! Предатели! Москали! Всех — на вилы! Хотим в Европу! Без виз! Без коррупции!» И народ, знавший о воровстве Азарова, потешавшийся над его украинским, подхватывал: «Геть его! Ганьба!»

Доганьбились, догетькались.

Смотря на политические элиты Украины, невольно думаешь: кто эти люди, решавшие судьбы? Кто прилепил их к кормушке? Как пролезли они туда? Парад злодеев, шоу уродов. В нормальном, не искривлённом маммоной мире им бы и чай разливать не дали, потому что они бы спёрли и заварку, и кипятилок, а заодно бы и народ отравили. Что ни фамилия — то ответный крик: «Изыди, изыди!»

Да, политики везде — отдельная песня. Печальная, депрессивная, как у вконец осатаневшего джанки. Или агрессивная, параноидальная, как у подростка на «кислоте». В России — тот же бестиарий. Мерзавцы, глупцы и подонки. Сама система устроена так, что во власть просачиваются главным образом тлетворные, подлые элементы, а если порядочный вдруг пробрался, то начинается либо его переформатирование, либо устранение. «Во власти всё те же ублюдки», — сказал Джон Леннон, и миллионы людей согласились.

Но Украина, к сожалению, в вопросе гнуса политических элит даст фору многим. Неадекватные дилетанты — вот их определение. И к этому дилетантизму примешивается разбухшее уродливое тщеславие, парадоксальным образом сопряжённое с комплексом неполноценности. Холопское видение, холопские методы. И ноль ответственности.

Бездарность политических элит — одна из главных причин коллапса и войны в Украине. Они сдали страну, её население, здравый смысл. И не могли по-другому. Соображалки им не хватало. Отсутствие же ума компенсировалось наглостью и хабалистостью. Результат — из страны, входившей в независимость на достойном счету, Украина превратилась в государство-призрак. И лично для меня это трагедия.

Становится ещё больнее, когда понимаешь: на данный момент тех, кто способен отыскать решение, путь, нет. И не предвидится. Старые элиты полностью дискредитировали, исчерпали себя, убожеством и коррупцией расписавшись в бессилии, вранье и непрофессионализме. Выходцы из коммунистической своры не первого эшелона или радикальные диссиденты — уже не актуальны, уже за бортом. Новые же элиты не вызрели и не окрепли. В силу как внутренних, так и внешних причин по дискредитации и подавлению Украины.

Нынешняя власть исчерпала себя. Прошлая, сейчас «теневая», мечтающая возродиться, обесточила страну и не пользуется авторитетом. И те и другие, несмотря на вечное пребывание у кормушки, в сознании украинцев остаются временщиками, ожидающимися суда, люстрации.

Не воспринимать же всерьёз тех украинских политиков, что вещают в российских ток-шоу страшилки, где они агнцы, а их противники — волки? Смешно. И дико, когда очередная Виктория Шилова или Ирина Бережная с плачем рассказывают о том, как терзают, мучают Украину эти нехорошие яценюки, бандеровцы и фашисты. А где вы, красивые, были раньше? Всё это время? Жируя, прохладаясь, так же разрушали страну, измываясь над украинцами. Вы не хамелеоны даже, а актёры провинциального малоросского театра, которые и загримироваться толком не могут; что уж говорить о том, чтобы выучить роли.

Впрочем, эти люди не из космоса прилетели. Нет, они плоть от плоти украинского народа. Доброго, работающего, талантливого, но вместе с тем на удивление пассивного, равнодушного. Позволившего негодьям дорваться сначала до власти, а после до тела и сердца страны. Украина разрешила изнасиловать себя. От безысходности или из-за красивых лозунгов. Ведь то, что рыба гниёт с головы, — прежде всего оправдание для хвоста. Это уже из Евтушенко.

Сегодня пришло время каждому брать ответственность на себя. Выдавливать рабство. Да, сложный, почти фантастический вариант. Но только он сможет сработать.

Иначе — вариант куда реалистичнее: коллапс, падение, обречённость.

Невыносимая призрачность бытия

О луганских впечатлениях

01.04.2015

Вернувшись из ЛНР, дав несколько интервью и пообщавшись с десятком разных, заинтересованных и не очень, людей, я в лишний раз убедился: большинство смутно представляет себе, как и чем сегодня живёт Народная Республика. Собственно, я и сам, отправляясь туда с гуманитарной миссией, имел об этом несколько сумбурное мнение.

Последний раз я был в Луганске после книжного фестиваля во Львове, транзитом через Киев. Тем ошеломительнее оказался контраст. Там, на западе Украины были нежно освещённые, тихие улочки, по ним гуляли, целовались, пили кофе и толстели от шоколада люди, а в ЛНР стыла каменная пустыня: дома, потрёпанные выстрелами, снарядами, не было света, воды, тепла и людей. Дикий перепад настроения, пусть я и ехал тогда, понимая, что в Луганске случилась война, но всё равно — никак не мог унять защемлённое сердце. Кровавое время, безумные люди.

После я созванивался с друзьями, знакомыми. Узнавал, как, что у них. Было осколочно, больно, тяжело. Но жизнь потихоньку налаживалась. Если бы не война.

И сколько бы, искренне и для вида, мы ни декларировали, находясь вне, «душа болит за Донбасс», до конца не представить, не осознать, как оно там на самом деле. Художник, писал классик, должен погрузиться на самое дно ада, и, мне кажется, что нынешний обыватель тоже. Тогда его риторика, в коей подчас хватает вольностей, питающих, оправдывающих войну, стала бы взвешеннее, умереннее, деликатнее.

Безусловно, погрузиться в тот мир за 5 дней, что проводишь на Луганщине в суете, борясь главным образом с человеческой глупостью, проблематично. Сколько бы совести, эмпатии Бог тебе ни отвесил, всё равно скользишь по верхам. И глаз ухватывает преимущественно то, что в тебе уже есть. На данный момент.

Она очень разная, ЛНР — та, какой я её увидел. Очень неоднородная в своей беде.

Здесь, по большей части, нет того, что показывают в документальных фильмах о войне. Но страданий достаточно, чтобы искупить грехи не одного легиона. Хотя здания не выстраиваются в цепочку руин — живые места есть, и в них люди пытаются сохранить мир. Как могут.

Городок Ровеньки, сюда я приехал впервые. В нём всё почти так, как в мирное время. Ходит общественный транспорт, люди стоят на остановках и в очередях. Заходишь в магазин и покупаешь товары, украинские главным образом. Рыночные ряды заняты, хотя покупателей — середина буднего дня — почти нет.

И всё же в этом шатком спокойствии периодически вспыхивают маячки близкой смуты. Старики, женщины толпятся у грузовика «Урал» с логотипом одной из казацких общин. С его борта ребята в «горках» разливают суп, чай, раздают крупы. Суета, давка. И вместе с тем — парадоксальным образом — отстранение. Потому что здесь много тех, кто даже в таком положении не готов переступить некую черту отчаяния. И есть те, кто просит милостыню открыто, а есть те, кто бродит молча, призраками с голодными глазами.

В больнице, куда я сгружаю привезённые мной лекарства, узнаю, что финансирования на март нет. Никакого.

— И как же теперь?

— Да вот так...

Но без лекарств — людям не жить. И в больницах, и в принципе. Когда в Дебальцево в собственном доме лежит раненный осколками человек и гниёт заживо; никто не лечит — некому, нечем. И этот пример — один из сотен.

У каждого здесь своя степень лишения, страдания, боли. И, возможно, да — всё познаётся в сравнении, но тяжесть креста, который приходится нести, не уменьшается от того, что кто-то навсегда повалился рядом.

Есть Ровеньки, уцелевшие, живые. А есть Первомайск, где нет слишком многого из того, что жизненно необходимо. И люди, чумазые, появляются из подвалов. Луганск же изранен в основном на окраинах. Сейчас он цел и живёт по законам военного времени. Эта формулировка встречается здесь довольно часто. Например, вот в таком контексте: «Данная собственность принадлежит ЛНР. Порча и вредительство караются по законам военного времени».

Хотя фактической войны нет. Но она всегда рядом, всегда чуть за кадром. Одно движение, одна перемена — ад начинается вновь. И большинство тех, с кем я встречался, говорят о нависшей угрозе. А пока пробуют выстроить быт заново.

На территории университета Шевченко — студенты. В кинотеатре — мороженое и фильмы. В магазинах — товары на полках. Но тут и там встречаются люди в форме, контролирующие происходящие. Они как пограничники между той жизнью и этой, куда местные возвращаются, дабы её возродить.

— Я тут всё время был, — говорит таксист, — а брат, отец — в ополчении.

— А вы... почему нет? — сомневаюсь прежде, чем задать этот вопрос.

— Мать — лежачая. Чуть что — сразу к ней. Так что решили я — с матерью, батя и брат — на войну. Хорошо хоть родственники из Москвы лекарства передают...

С лекарствами в ЛНР — беда. Даже если есть деньги, купить их проблематично. И зачастую нет самого необходимого.

— Раньше пять дней в неделю по аптекам товар развозил, — сообщает знакомый, работающий на местную фармацию, — а в прошлом месяце — три дня всего на работе...

Он, как и таксист, рассказывает о трудностях, бедах. Не жалуется, нет — скорее, перечисляет факты. Вообще многие

здесь стоически переносят убийственную реальность, главная характеристика которой — жёсткая нехватка элементарного.

— Как выживаете? На что?

— Да вот, кое-какие сбережения сохранились...

А многие не знают, что отвечать. Остаётся лишь фиксировать, запоминать их просьбы. Чтобы вернуться позже с адресной помощью.

— Богатые, — рассказывает мне друг друзей Пётр, — уехали сразу. Остались в основном те, кто держится за последнее. Ну, или патриоты. Ну, или те, кто у кормушки...

Тем вульгарнее смотрятся машины с донбасскими номерами в России и Украине. Пока одни стоят за свою землю, другие прожигают то, что с этой земли высосали. Впрочем, много, конечно, и «отжатых» машин; эта проблема — из актуальных. Да и в самом Луганске — немало автомобилей без номеров.

Пётр до войны занимался мебелью. Не шиковал, но на жизнь, по его словам, хватало. Сейчас вновь пробует заниматься тем же. Однако заказов — в десятки раз меньше, а себестоимость всё растёт

— «Мутят» на курсе доллара, с них — на рубли, с тех — на гривны, запутаешься...

Обменять валюту в Луганске можно только в специальных пунктах. Банки не работают. Есть ещё менялы, обитающие в основном на рынках. Курс держится в районе — плюс-минус — сорок гривен за сто рублей.

Цены по сравнению с украинскими — запредельные. По сравнению с крымскими — на уровне. Но для региона, где стоит всё производство и нет работы, подобные ценовые силки убийственны.

— Хочешь выживать — иди на службу. Других вариантов нет, — рассказывает мне знакомый поэт. — Благо, что за коммунальные услуги сейчас платить не надо...

Он ездил за своей пенсией в Киев. С трудом преодолел украинские заградительные кордоны. В столице ему пришлось указать киевское место проживания. Иначе — пенсию не давали. Он назвал адрес, который увидел за час до этого.

Главное, что ощущаешь в Луганске, — это нехватка людей. Даже днём — в будни и выходные. Бродишь по центральным улицам и встречаешь от силы десятков человек. Машин — чуть больше, но из них очень много военных. А так — полное ощущение того, что ты остался один и город полностью твой. Здесь то ли недавно все ушли, то ли вот-вот придут.

После двадцати двух ноль-ноль — комендантский час. Всё замирает. Не вызвать такси, не уехать. Улицы темны, пустынные. Всё закупорено безответностью. Хотя на зданиях — кроссворд горящих окон. Жизнь есть, но она дистанцирована, удалена. И люди ждут. Нового времени, нового быта.

Огромный, призрачный город. Ты в нём. Измученном, но не затравленном. И чем больше стоишь, в самом его центре, напротив музея им. Даля, тем явственнее ощущаешь нарастающую пульсацию, ритм. Сердце города бьётся и не сдаётся. И это не художественный образ, нет. Это реальное дыхание жизни, призрачной, но не задушенной.

Добро пожаловать в 37-й год

О «бытовом сепаратизме» в Украине

09.04.2015

Борьба с демонами в Украине — это всегда воскрешение призраков. Их вытаскивают из забвения, говоря: «Смотрите, это та нечисть, что отравляла жизнь наших предков! А теперь они пришли за нами!» Народ негодует, кричит «ганьба». У призраков этих — красный оттенок. На лбах их — серп и молот.

Впрочем, есть и другие — те, кто ещё в крипацких костюмах с имперцами бился, а нынче мстит.

ГУЛАГ, тоталитаризм, преследования — вот чем пугают украинцев, настраивая против врага. Так было в 2004 году, когда в образ Януковича втиснули всё возможное зло. Так повторилось, но в куда большем масштабе, через десять лет — на Евромайдане. Сбрось диктатора, уничтожь банду — free your mind.

Но материального улучшения не случилось, Европа не стала ближе — наоборот. Свобода закудрявилась колючей проволокой. На Украину накинута бешеная свора псов войны. Полгода — и нет пяти миллионов человек. Полгода — и нет трёх областей. Кто виноват?

Надо бы отыскать мерзавца. Но о себе разве скажешь дурно?

Так появилась Россия. Благо, все предпосылки для того были. Быстро Москва стала первородным злом, которое нужно уничтожить в каждом. При его наличии украинская власть могла не слишком-то переживать за собственные действия.

Но увлеклась. Допустила слишком много ошибок. Представляя Россию, не без оснований, таким Мордором, новые украинские герои изобразили самих себя. И народ стал прозревать.

Где альтернативная точка зрения? Как может антитеррористическая операция продолжаться год с тысячными потерями? Почему те, кто возвращается оттуда, никому не нужны? Когда прекратят захват предприятий? Когда остановят притеснение церкви? Почему людей арестовывают только за то, что они выступают против убийства своих же граждан?

Украинцы не просто начали задавать вопросы — они стали выходить на митинги и пикеты, выражая открытый протест. Власть, порой жёстко, разгоняла их. Оттого понадобился эффективный сдерживающий механизм.

Так придумали охоту на «бытовых сепаратистов». Тех, кто «неосознанно или специально распространяет информацию, угрожающую целостности государства». А это протест против

мобилизации, распространение слухов о несуществующей угрозе русскому языку и русскоязычному населению, критика действующей власти и т. д. Фактически всё это можно объединить одним словом — инакомыслие. Если ты думаешь иначе, чем заявлено генеральной линией партии, то ты враг государства.

Видимо, это та самая свобода по-украински, обещанная, долгожданная. С гарью костров инквизиции и стуком колёс «воронков». Ведь те, кто так долго боролся с чудовищами, разоблачая ужасы 37-го года, сами превратились в чудовищ. А может, и были ими изначально.

И это борьба не против России. Это ярость против самой Украины, уничтожение собственного народа, превращение его в секту рабов, которых надо, во-первых, заставить полюбить (или хотя бы принять) своё рабство, а во-вторых, стать соучастником преступления, возводя напраслину на ближнего своего. Страну затягивают в стальной корсет лжи, диктатуры и страха, а она, задыхаясь, судорожно хватает остатки спёртого воздуха.

Новой инициативой о «бытовом сепаратизме» капиталистские хозяева Украины расписываются в том, что прежние механизмы по поиску внешних врагов уже не работают. Или работают не столь эффективно. Потому надо избавляться от неугодных внутри. Вина их лишь в том, что они, похоже, очнулись от морока происходящего.

Повод разжечь, взбаламутить

О ситуации с крымскими татарами

09.04.2015

Вновь говорят о крымских татарах. С одной стороны — стон. С другой — натиск. И господин Чубаров призывает готовиться к масштабной войне. И общественные активисты вопиют